

С. В. Орлов

М. Ф. ОРЛОВ — ТЕОРЕТИК РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Фигура Орлова очень важна для истории России первой половины XIX века. Натура Орлова была широка, интересы разнообразны, а деятельность всеобъемлюща.

Орлов относился к одному из самых могущественных кланов русской аристократии второй половины XVIII — начала XIX вв. Участвовал практически во всех войнах, которые вела Россия в первые два десятилетия XIX в. К его заслугам относятся принятие капитуляции Парижа в 1814 г. и урегулирование шведско-датско-норвежского конфликта 1814 г., результатом которого стала автономия Норвегии. Орлов был одним из основателей и руководителей преддекабристского «Ордена русских рыцарей», активистом декабристского движения, членом масонских лож и Библейского общества.

На протяжении своей жизни Орлов был близок к Александру I, дружен с А. С. Пушкиным, П. Я. Чаадаевым, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, Н. И. Тургеневым и др. Судьба Орлова неразрывно связана с развитием просвещения и образования в России, с деятельностью многих научных, благотворительных и экономических обществ.

Дом Орлова в Москве был одним из известнейших культурно-общественных салонов, где собирались лучшие интеллектуалы обеих столиц.

Ранее исследователи уделяли внимание лишь декабристскому периоду деятельности М. Ф. Орлова. В то время, как постдекабристский период чрезвычайно интересен и важен. Это итог жизни Орлова. Итог эволюции его убеждений. Во второй половине 1820-х — начале 1840-х гг. Орлов становится одним из крупнейших теоретиков **российского экономического либерализма**. Судьба Орлова, как экономиста-теоретика, драматична: он не был признан современниками и почти забыт потомками.

* * *

Орлов еще с молодости начал интересоваться вопросами экономики¹. И это неудивительно. Сама жизнь давала повод к такому интересу.

Непрерывные войны и континентальная блокада привели в расстройство денежное обращение, вызвали резкое падение курса бумажных ассигнаций, рост бюджетного дефицита и государственного долга. Были сделаны первые попытки внутренних государственных займов. Выдвигался вопрос о пересмотре налоговой системы, о взимании косвенных налогов и акцизов. В обществе дебатировались вопросы, связанные с внешней торговлей и таможенной политикой². Разнообразные проекты тех или иных общественных и государственных деятелей следовали один за другим.

Не отставало и правительство. В 1810 создана Государственная комиссия погашения долгов, а в 1817 — Совет государственных кредитных установлений и Коммерческий банк. В 1824 принято новое положение о Дворянском заемном банке. В 1816, 1819 и 1822 издавались новые таможенные тарифы.

Примерно в этот же период М. Ф. Орлов увлекся экономической теорией, увязывая ее со своими наблюдениями российских реалий.

Ключевые экономические позиции и воззрения М. Ф. Орлова нашли законченное выражение в его фундаментальном труде «О государственном кредите». Можно сказать, что это — главное экономическое исследование в его жизни.

Когда же была написана книга «О государственном кредите»? В подзаголовке книги было сказано: «писанная в 1832 году». Разумеется, эта дата очень условна. Она говорит лишь о времени окончания работы и была нужна для более легкого прохождения через цензуру (дескать, ничего общего с декабризмом книга не имеет, так как написана много позднее). В письме П. А. Вяземскому Орлов называет другую дату — 1825 год: «В течение 7-ми лет я ими (экономическими вопросами. — С.О.) ежедневно занимался, привел их в общую систему, старался обдумывать все сии мысли и поодиночке и сравнивая их между собою, и, наконец, большая часть моего плана обработана и положена на бумагу. Однако же труд мой не доведен до окончания»³. Письмо было написано 10 января 1832 года. В бу-

магах Орлова можно найти и другую датировку. В письме московскому генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну от 22 декабря 1825 г., сразу после ареста, Михаил Федорович писал, что у него отобрали рукопись готовой главы книги, которую он писал «вот уже год»⁴. Следовательно, Орлов начал свой труд около 1824 г. Это подтверждает и декабрист П. А. Муханов, который указывал, что последние несколько лет перед восстанием Орлов «занимался все время химией и сочинением новой системы финансов»⁵. Можно предположить, что серьезно заниматься химией Орлов начал с 1822 г., когда он стал часто жить в Милятино и вникать в дела хрустального завода. Вероятно, тогда же он и начал писать книгу по финансам. Раньше у него не было на это времени: сначала Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы — 1813–1814 гг., потом — дипломатические поручения, составление петиций, Орден русских рыцарей, штабы, дивизии, ланкастерские школы, Библейское общество, масонские ложи и многое, многое другое. Вся эта бурная деятельность не оставляла времени для научной работы, а книга «О государственном кредите» — работа ученого, научный трактат, а не публицистический памфлет, который можно написать в промежутках между балами и походами. Таким образом, Орлов смог начать работу над своей книгой через какое-то время после того, как его лишили дивизии и назначили «состоять при армии» — примерно в 1822–1824 гг.

С первых слов своей работы Орлов заявляет об исключительной важности исследуемого предмета: «Кредит... есть главная черта, определяющая разительное отличие между нынешними и древними обществами, явление государственного кредита в политическом мире потрясло все прежние понятия о преуспевании народов и основало новые начала»⁶.

Государственные капиталы, по мнению Орлова, происходят от двух источников: от налогов и займов. «Свойство налога есть насилие, свойство займа есть свобода»⁷. «Но налоги есть неизбежное последствие существования обществ... Он необходим также и для заемной системы... Главные усилия правительства должны быть устремлены к тому, чтобы налоги не вредили кредиту, а кредит облегчал налоги... Первое условие хорошей системы налогов есть умеренность оных. Назначение их есть удовлетворение обыкновенных нужд правительства»⁸. «В чрезвычайных обстоятельствах не-

обходимо применять займы»⁹, выпуская в обращение правительственные векселя¹⁰.

Во всех случаях, когда это только возможно, Орлов отдает предпочтение займам, т.е. государственному кредиту перед налогами. Ибо в экономике (как, впрочем, и во всех других сферах) насилие, а именно насилие Орлов считает главным свойством налогов, «ненавистно и опасно»¹¹. Перед нами один из основных постулатов Орлова — ненасилие. Орлов категорически отвергает насилие во всех его проявлениях — в экономике, в политике, в идеологии, в культуре. Тесно связан с этим положением и другой тезис Орлова: «Налоги нарушают единодушие между правительством и народом тогда, когда сие единодушие бывает часто единственным средством к спасению»¹². Этот тезис очень важен для мировоззрения Орлова конца 1820—начала 1840-х годов. Компромисс, «единодушие» между народом и правительством — единственный путь не только к процветанию, но вообще к спасению нации. На протяжении всего этого периода Орлов будет ярким апологетом сотрудничества между правительством и народом, в том числе и в экономической жизни.

Наконец, критика высоких налогов очень характерна для Орлова как теоретика экономического либерализма, всецело стоящего на стороне предпринимательства и капитализма.

Появление правительственных векселей, естественно, вызывает биржевую игру с векселями¹³. Без этого невозможна система государственного кредита, и Орлов безоговорочно поддерживает биржи и биржевую деятельность: «Писатели вообще налагают проклятие на биржевую игру и видят в ней одно только пагубное и безнравственное развитие алчности к стяжанию богатств. Мы осмелились утверждать, что биржевая игра есть необходимость, против которой не должно вооружаться; что она есть источник всех движений капиталов и жизнь кредитных оборотов»¹⁴. Орлов одобряет все, что экономически целесообразно. Для него не может идти речь о нравственности или безнравственности этого.

Орлов утверждает тезис о необходимости крупных капиталов. Много крупных капиталов — богатая страна. «Государственный кредит умножает капиталы в обращении и, следовательно, образует богатство народное»¹⁵. Для образования крупных капиталов («богатств») необходимо быть экономически

активным (и правительству, и частному лицу), даже отчасти идти на риск, ибо излишняя «бережливость останавливает развитие народных богатств»¹⁶.

Святость и незыблемость принципа частной собственности — также одна из главных идей Орлова. Правительство должно «стараться более и более ограждать собственность частных людей, в коей содержится вся тайна его богатства и могущества»¹⁷. Только в условиях соблюдения принципа частной собственности может развиваться система государственного кредита. «Везде, где собственность ограждена законами, где порождаются богатства и находят неприкосновенность и покров, везде кредит может основаться и процветать»¹⁸. Ключевые слова здесь — «собственность» и «закон».

Орлов задается вопросом, где возник и где вообще может существовать государственный кредит. История показывает, что кредит возникал лишь в странах, в которых произошли буржуазные революции (Англия, Франция, Голландия). Может даже показаться, что кредит изобретен революциями. Но это не так. От того, что кредит родился во Франции, Англии и Голландии, еще не следует, что он не может существовать без переворотов. Кредит может развиваться и при самодержавии, если оно соединено с просвещением¹⁹. Кредит не зависит от образа правления²⁰. «Кредит — достояние не только конституционных правлений, он доступен также и самодержавию, покровительствующему просвещению и образованию богатств»²¹.

Последнее положение чрезвычайно важно. Орлов здесь покусается на свою святыню — конституционное правление. Главное — чтобы получил развитие кредит, под которым Орлов понимает широкие либеральные экономические реформы, а конституцией можно будет заняться позднее. Действительно, свободная, рыночная экономика может развиваться и при конституционной монархии, и при республике, и при абсолютизме, и даже при диктатуре. Другой вопрос, рано или поздно, реформы экономические повлекут за собой реформы политические, но это будет уже на другом этапе.

Орлов выделяет два условия, при наличии которых возможно развитие кредита при самодержавии: просвещение и предпринимательство («образование богатств»), которые сами между собой тесно связаны. Еще во введении автор подчеркивает «взаимность, существующую между образованием

богатств и распространением просвещения»²². Но главным среди этих двух условий (или не главным, а первичным) является просвещение.

После Великой Французской революции, после революционного движения первой четверти XIX в., после восстания декабристов слово «просвещение» имело некоторый оттенок неблагонадежности с точки зрения высшего руководства самодержавной России, поэтому Орлову приходилось употреблять весь свой дар литератора, ученого и государственного деятеля, чтобы доказать обратное. «Правительство должно оценить всю важность народного просвещения»²³. Необходимо убедить правительство, что «сие просвещение отнюдь не вредит его собственным выгодам, могуществу и славе»²⁴. Просвещение для Орлова — залог процветания: «Обдуманное преуспеяние основано на просвещении»²⁵.

Итак, теперь для Орлова формула социально-экономической системы, при которой начнется путь к процветанию и благоденствию: самодержавие + просвещение + кредит. «Самодержавие, соединенное с просвещением... могут приобрести доверие, честь и славу постоянным соблюдением кредитных правил»²⁶. Идеал Орлова — «просвещенное правительство»²⁷.

Просвещение для него — «единственное и неперемutable условие долговременного преуспеяния государства»²⁸.

«Просвещением в широком смысле» называется у Орлова вся его политэкономическая программа того времени, изложенная в сочинении «О государственном кредите»:

- развитие науки;
- промышленности и торговли;
- личная свобода;
- гражданское равенство;
- независимость суда;
- неприкосновенность собственности;
- уничтожение монополий и привилегий;
- народное воспитание (просвещение в узком смысле).

Все экономические требования Орлова — развитие промышленности и торговли на базе науки и просвещения, предприимчивость, антимонопольные меры — носят чисто капиталистический характер.

Самое интересное то, что комплекс вопросов, связанных с гражданскими правами, является ярким образчиком примене-

ния теории личных прав Бенджамена Констана (1767–1830). Последний произвел сильнейшее впечатление на Орлова, который вслед за ним постулировал непеременимость для эффективного хозяйства страны, прежде всего, умеренных налогов и займов на правила государственного кредита²⁹. В целом можно сказать, что эта программа носит либерально-буржуазный, либерально-демократический характер.

Как уже неоднократно говорилось выше, просвещение для Орлова неразрывным образом связано с экономическими реформами. «Покровительствуя земледелию, промышленности, торговле и ограждая собственность граждан, правительства действительно водворяют просвещение, а умножая учебные способы, воздвигая университеты, академии и школы, покровительствуя наукам и художествам, они истинно обогащают своих подданных. Взаимная зависимость сих двух начал так полна, что косвенные последствия совершенно равны прямому действию... Сии два начала, как душа и тело общего преуспевания»³⁰. Утверждая все это, Орлов намного опередил свое время. Только сейчас мы говорим об «инвестициях в будущее», об «интеллектуальных технологиях».

В том же разделе книги находится еще один, очень по-современному звучащий тезис об огромной роли коммуникаций, общения людей, обмена идеями, объединения усилий, идей и капиталов для решения экономических вопросов³¹.

Орлов указывает путь, по которому должно идти правительство: оно должно не препятствовать просвещению народа, а «стараться овладеть его действием, направлять его стремление и, облакаясь в формы свободомыслия, идти впереди своего века»³². То есть Орлов призывает правительство первому начать реформы (реформы сверху), не дожидаясь, пока народ с оружием в руках начнет борьбу за них. Этот призыв был услышан через двадцать пять лет императором Александром II, признавшим необходимость начать процесс освобождения крестьян сверху.

Орлов считает, что необходимо «при полном развитии просвещения найти средство отклонить все его опасности и воспользоваться всеми его дарами». Какое же это средство? Внутренние (политические) преобразования должны распространяться «тогда только, когда хозяйственные преобразования вполне исполнены». А хозяйственные преобразования — это в

первую очередь введение системы государственного кредита. «Употребление государственного кредита есть вернейший способ для обуздания духа политических переворотов»³³. «Кредит — единственное средство, могущее закрыть навсегда ужасную эпоху политических переворотов и начать счастливую эру постепенных гражданских преобразований»³⁴.

Орлов совершенно ясно декларирует свое отрицательное отношение к революционному движению, ко всяческим проявлениям революционности. Он сторонник эволюции — «постепенных гражданских преобразований». В этом его новое политическое *credo*. Главные политические лозунги Орлова — «порядок», «постепенность», «спокойствие»³⁵. Государственный кредит неразрывно связан с этими понятиями. «Государственный кредит — друг мира и спокойствия». Кредит «не только не потрясает общественность порядка, но утверждает все государственные постановления и служит залогом, как внешней безопасности, так и внутреннего спокойствия». «Друг мира и рассудка, кредит равно ненавидит необузданность своеволия и капризы тиранов»³⁶. Этот тезис очень близок многим положениям теории Бенджамена Констана³⁷, хотя, как известно, у Констана нет рассуждений о государственном кредите.

Орлов предостерегает правительство от недооценки важности финансово-экономических реформ и введения кредита. «Все писатели единогласно утверждают, что большие политические перевороты начинаются расстройством финансов. Устройство финансов и, следовательно, благоразумное введение государственного кредита, есть настоящий способ закрыть навсегда эпоху политических переворотов и заменить ее эпохой полезных преобразований»³⁸. Орлов предугадывает тяжелейший банковский кризис, поразивший Россию в 1850-е годы и ставший началом всей серии кризисов конца 1850-х гг.

Кроме теоретической части книга Орлова содержит два раздела, в которых идеи автора рассматриваются на примерах Англии и Франции. Причем глава о Франции названа «Пример отрицательный», а об Англии — «Пример положительный», то есть уже в заглавии англофил Орлов заложил серьезную смысловую нагрузку.

Орлов на примере Франции продолжает доказывать свою мысль о том, что введение кредита предохраняет общество от революций. О Великой Французской революции он пишет

следующее: «Так совершилась участь Франции, участь тем более достойная сожаления, что сама по себе она не была неизбежна. Сколько бедствий, сколько ужасов были бы отвращены от Франции и от Европы, ежели б государственный кредит был заранее известен и оценен правительством? Он один мог погасить недочет, предупредить созвание генеральных штатов или усмирить умы и укротить страсти в народном собрании»³⁹. Мы видим, что Орлов отрицает Французскую революцию, принесшую «бедствия» и «ужасы» всей Европе, и сожалеет, что она не была предотвращена вовремя начатыми экономическими реформами.

Кредит представляется Орлову панацеей от всех бед. Его игнорирование, по мысли Михаила Федоровича, сыграло в истории Франции фатальную роль. Все правительства Франции, пишет он, и конституционный король, и конвент, и директория падали и исчезали друг за другом. «Все они таили в себе одну и ту же причину гибели: недостаток в кредите»⁴⁰. Наполеон объявил себя врагом кредита, и его предубеждение спасло Европу от порабощения⁴¹. Вследствие «отвержения» кредита «Наполеон, не взирая на его гений, на его счастье, на возрастающее преуспеяние своего народа, остался без защиты против первых ударов судьбы»⁴². Может показаться, что Орлов до абсурдности преувеличивает роль государственного кредита. Наверное, отчасти так оно и было. Но если увидеть за понятием «государственный кредит» вообще широкий комплекс экономических форм (о которых также постоянно пишет Орлов), то его взгляд на историю будет представляться достаточно трезвым.

В 1816–1817 гг. депутат Лафит при покровительстве герцога Ришелье предложил и добился принятия проекта финансовой системы, основанной на принципах государственного кредита. Орлов называет Лаффита и Ришелье «спасителями отечества»⁴³.

Орлов критикует недостатки современной Франции:

- 1) предубеждение против кредитной системы;
- 2) пристрастие к раздроблению недвижимых наследств;
- 3) некоторое стремление к республиканскому правлению⁴⁴.

Кроме еще раз заявленной поддержки монархического строя, здесь интересна впервые появившаяся тема майоратов (нераздробляемых недвижимых наследств), как необходимого элемента экономики.

Раздел о Франции завершается типично англофильским утверждением: пример Англии показывает, «что еще остается совершить Франции, чтоб достигнуть высшей степени счастья, величия, богатства, могущества и славы»⁴⁵. Еще во введении к своей работе Орлов писал о влиянии на него политико-экономической мысли Англии. По его словам, многие его идеи — это мысли, «принадлежащие не нам, но публицистам и государственным людям Англии»⁴⁶.

Кредит в Англии появился после революции, но решающую роль в его установлении сыграли правительства королевские. «Первые улучшения в финансах начинаются с восстановлением Стюартов»⁴⁷. Видная роль принадлежит также королю Вильгельму III и королеве Анне⁴⁸. Этим Орлов еще раз подтверждает возможность сосуществования государственного кредита и монархии.

Англия воспользовалась плодами кредита и опередила Францию во много раз. «Искусное употребление кредита возводит Англию в 48 лет до высокой степени славы, могущества и величия»⁴⁹.

Весьма интересным для прояснения системы экономических взглядов Орлова представляется часть книги, в которой автор излагает концепцию Роберта Мальтуса. Орлов является ярким сторонником теории Мальтуса и призывает других «согласиться с истинами» Мальтуса. Вот эти истины:

- 1) народонаселение — причина всех бедствий наших;
- 2) излишнее производство есть также зло и может сделаться разорительным для производителей (это весьма интересный пункт, впоследствии сформулированный экономистами, как «кризис перепроизводства»);
- 3) потребители столь же нужны, как и производители (также пункт важный и интересный — о роли потребления и потребителей в экономике говорили тогда немногие);
- 4) богатство должно сосредоточиться в нескольких руках, а бедность быть уделом остального множества;
- 5) неравенство состояний есть неизбежное последствие наших образованных обществ;
- 6) уравнивание состояний приводит государство в упадок;
- 7) при равном разделении богатств все были бы не равно богаты, а равно бедны⁵⁰.

Ниже Орлов еще раз формулирует свою концепцию, основанную на мальтузианстве: «Мальтус прав, защищая свои пра-

вила, проповедуя вредность излишнего народонаселения и всех законов, его усиливающих, неизбежность неравенства состояний, полезность капиталов, сосредоточенных в нескольких руках, из коих правительства могут ими пользоваться для всех своих предприятий и нужд, необходимость аристократии как одного из самых важных элементов общества и выгоды майоратов, или права наследства для перворожденного как закона, без коего никакая аристократия удержаться не может»⁵¹.

Итак, Орлов выступает за имущественное неравенство, против любых видов уравнительности, за создание крупной буржуазии (владельцев крупных состояний) и ее союз с правительством, создание независимой, мощной аристократии. Далее Орлов еще раз отдельно подчеркивает необходимость в обществе аристократов и капиталистов⁵².

Если в период «Ордена русских рыцарей» (1814–1816) Орлов признавал лишь за аристократией право и возможность ограничивать власть государя, то теперь равноправным элементом политической системы выступает крупная буржуазия. Орлов понял, что только вдвоем эти две силы могут реально ограничивать власть монарха и удерживать общество в равновесии. Орлов начал признавать важность капиталистических, буржуазных отношений не только в экономике, но и в политике.

Истоки положительного отношения к мальтузианству содержатся еще в письме к де Мэстру. В нем Орлов восторгается главой о насильственном истреблении человечества⁵³ (де Мэстр доказывал необходимость и даже полезность для экономического развития человечества войн).

Орлов понимает, что идеи Мальтуса могут быть непопулярны, но истина для него важнее. «Мальтус прав, как бы сии положения ни были противны демократическому направлению наших мыслей, как бы они ни резко сопротивлялись и мудрствованию древних, и страстям нашего времени»⁵⁴. Орлов окончательно порывает с идеалистически демократической, «просветительской» «филантропической» традицией в общественной мысли XVIII–начала XIX вв. «Филантропические писатели нынешнего времени наводнили общество столь большим количеством безотчетных утопий об общей благоденствии, о равенстве, о золотом веке»⁵⁵. Это очень серьезное заявление. Оно показывает всю разницу между Орловым 1810-х гг. и Орловым 1830-х гг. Тогда он «сближался с филантропизмом»⁵⁶

(по выражению Н. И. Тургенева), сейчас смеется над ним. Орлов теперь принадлежит полностью постпросветительской, буржуазно-либеральной традиции XIX в. и в то же время сам является одним из первых ее зачинателей в России.

Итак, какие же экономические взгляды высказывал Михаил Федорович Орлов на страницах книги «О государственном кредите»?

Это — умеренные налоги; широкое использование займов на принципах государственного кредита; биржи, рынок ценных бумаг; крупные капиталы; частная собственность, охраняемая государством; имущественное неравенство; экономическая активность населения, предприимчивость; крупная буржуазия; развитие науки, промышленности, торговли, земледелия и мореплавания; недопущение монополий.

Отрицая революционный путь развития для всего общества, Орлов отвергает его и для себя лично. Крах надежды на реформы сверху привел к тому, что вера в революцию, в восстановление, в переворот, в тайную антиправительственную организацию, даже просто в оппозиционную группировку уступила место вере в реформы сверху, в мудрого государя, в союз с правительством. Чтобы правительство сделало первый шаг, его надо убедить. И, как пишет Орлов, одна из главных целей его исследования — убедить «благонамеренные правительства» в «полезности нашего предложения»⁵⁷.

Орлов жаждет принести пользу Отечеству, хочет, чтобы его родина процветала, но не видит другой силы, кроме самодержавия, которая могла бы начать процесс реформ. Поэтому Орлов готов сотрудничать с правительством. Об этом он пишет в письме П. А. Вяземскому от 10 января 1832 г.: «Теперь распушенные слухи (о некоторых важных правительственных решениях в области экономики и финансов. — С.О.) заставляют меня прежде систематического полного свода моих мыслей объявить о сем правительству и просить настоятельно, чтоб оно благоволило снестись со мною прежде принятия какой-либо решительной меры». Несмотря на полгода тюрьмы и пять лет ссылки Орлов готов к самому тесному сотрудничеству. «Я долго был изгнан, в несчастии, под строгим присмотром полиции; но бедствия, мною претерпенные, подавив во мне ту часть деятельности, которая поддерживается успехами, не помрачили моего рассудка, не потушили в сердце моем священной любви

к России и ко всему родному. Я все-таки остаюсь человеком, известным моею честностью и не совсем безызвестным умом и некоторыми способностями. Неужели можно отвергать мысли, полезные для всего отечества, единственно оттого, что они принадлежат человеку, находящемуся в бедствии и опале?... Еще раз повторяю. Семь лет сряду я работал и трудился над теми предметами, подвергал их совестливому разбору, старался сколько можно более не предаваться самолюбию. Из людей, употребленных господами министрами для обработки сего важного дела, кто может представить для своих занятий подобный аттестат?»⁵⁸. Наконец, Орлов просит Вяземского связаться с министром юстиции и министром финансов⁵⁹.

В письме Вяземскому от 3 февраля 1833 г. Орлов пишет: «Я сражаюсь за интересы правительства»⁶⁰. А в письме от 20 июля 1833 г.: «Моя концепция по-своему монархична, но что поделаешь? В положении, в котором я нахожусь, мне нужно больше ума и таланта, чтобы держаться на поверхности, чем при кругосветном путешествии на пароходе»⁶¹. Разумеется, в душе Орлов полностью не одобрял российское самодержавие, но соображения целесообразности, блага родины для него значили больше, чем личные симпатии или антипатии.

Исходя из своих новых подходов к взаимоотношениям с правительством, Орлов решает любыми путями опубликовать свою книгу и избирает своим представителем и доверенным лицом во всех инстанциях князя П. А. Вяземского, своего ближайшего друга.

Вяземский начинает сношения с министром финансов Е. Ф. Канкрином и министром юстиции Д. В. Дашковым. Но, как он пишет жене, боится, что «Орлов может в мыслях своих задеть мысли Канкрин или Дашкова, они оба люди упрямые и самолюбивые до крайности и никак не захотят дать ход мыслям, противоречащим их мнению»⁶². И действительно, взгляды министра финансов Е. Ф. Канкрин резко отличались от взглядов Орлова. Первый был противником государственного кредита, займов, частных банков, активной биржевой деятельности, вообще широкого развития предпринимательства. По его собственному выражению, его заслуги «состояли не в том, что сделано, а в том, чего он не допустил»⁶³. Например, в своей статье в «Журнале мануфактур и торговли» в 1825 г. Е. Ф. Канкрин писал, прямо противореча Орлову: «Думали, и

даже теперь многие думают, будто бы большие денежные капиталы могут родить в государстве промышленность. Без сомнения, они необходимы как орудие. Но мы были свидетелями и их бесполезности... Не денежные капиталы... могут подвинуть вперед нашу промышленность, но запас необходимых знаний, без коих все богатства бесполезны, все предприятия пагубны»⁶⁴. Канкрин предлагал ждать, пока Россия превратится в европейски цивилизованную страну и только тогда заниматься экономическими реформами. Естественно, Орлову нечего было ждать поддержки со стороны министерства финансов. Поэтому Орлов и отказался от предложения Вяземского сотрудничать в «Коммерческой газете» — органе министерства финансов, ссылаясь на то, что «вряд ли мои мысли совершенно согласны с другими мыслями»⁶⁵.

Однако Орлов продолжает свои контакты с министерством. Он просит Вяземского передать Канкрину посылку с расписным стеклом и письмо. Испрашивает у министерства заказ. Собирается завести в Москве фабрику расписного стекла. Предлагает, например, украсить Грановитую палату «стеклами с изображением гербов всех губерний Российских, что было бы весьма прилично для залы, где государь после коронации имеет свою трапезу»⁶⁶. Все это признаки того нового отношения Орлова к правительству, о котором мы уже писали. Кстати, стекло Канкрину понравилось. Как пишет Вяземский, «он был очень доволен, хотел показать государю и заказать работы для какой-то церкви»⁶⁷. Орлов хочет быть полезен, хотя бы даже стеклами.

Благодаря хлопотам М. Ф. Орлова⁶⁸ и стараниям Вяземского, по докладу Бенкендорфа, государь повелел министру просвещения и президенту Императорской Академии Наук С. С. Уварову рассмотреть труд Орлова «прежде нежели дать оному гласность»⁶⁹.

Уваров был настроен к книге в принципе благожелательно: «Сочинитель в дельном труде своем извлек из разных сочинений по части политической экономии довольно полную и яркую систему о государственном кредите...». Книга «за исключением самых незначительных, немногих мест и нескольких строк, ближайший разбор коих принадлежит цензуре, являет благонамеренную цель автора»⁷⁰.

По указанию императора книга была передана Уваровым на рассмотрение в Академию Наук профессору А. К. Штор-

ху⁷¹. Орлов надеялся, что известный экономист Шторх если не одобрит, то хотя бы оценит его работу. Этим объясняется тот факт, что он сам просил направить его книгу именно Шторху. Но Орлов жестоко ошибался. Маститый академик не потерпел теории, противоречащей его собственным взглядам, и дал крайне отрицательный отзыв на книгу: сочинение Орлова «содержит в себе хотя много нового, но мало полезного... Автор не только не усовершенствовал теории кредита, но точные и ясные понятия заместил ложными и сбивчивыми... Практические результаты мнимого его учения были бы столь же пагубны для государства, сколько его теория вредна для науки»⁷².

К счастью для Михаила Федоровича, все решения в России принимались министрами и генералами, а не академиками. А как он сам писал княгине Вяземской, «Уваров, мой брат (граф Алексей Федорович Орлов — ближайший помощник А. Х. Бенкендорфа — С. О.) и даже Бенкендорф ее (книгу — С.О.) одобрили... Последний даже соблаговолил сказать, что за исключением некоторых отдельных выражений... он не видит причин не печатать ее»⁷³. Вероятно, решающую роль в получении разрешения на печать от Уварова и Бенкендорфа сыграл Алексей Федорович Орлов.

Рукопись была передана в Московский цензурный комитет, а Орлов между тем выслал П. А. Вяземскому официальную доверенность на ведение всех дел, связанных с рукописью и ее прохождением через цензуру⁷⁴. Цензор Цветаев оценил всю масштабность и серьезность предложений Орлова и побоялся взять на себя ответственность разрешить книгу к напечатанию. В «Представлении Московского цензурного комитета управляющему Министерством народного просвещения графу С. С. Уварову» он писал, что «сомневается одобрить ее к напечатанию, так как предмет, в оной излагаемый, есть один из важнейших в государственном управлении»⁷⁵.

Из Москвы рукопись направили в Петербург — в Главное управление цензуры, где за ее рассмотрение взялся барон Ф. И. Брунов. Его мнение было сродни отзыву Шторха: мысли Орлова «неосновательны» и «даже вредны»⁷⁶. Но Уваров, решив разрешить книгу, своего решения менять не собирался. Под давлением С. С. Уварова Главное управление цензуры книгу разрешило, исключив места о политическом значении кредита, об отрицательном влиянии налогов и некоторые дру-

гие. Орлов со всеми правками согласился и попросил Вяземского также отредактировать рукопись после правок⁷⁷. Орлов придавал колоссальное значение своему труду. Он полагал, что если книга будет прочитана и понята наверху, то это может произвести переворот в политическом и экономическом курсе России. Поэтому он был готов на любые, самые серьезные правки — лишь бы рукопись была опубликована.

23 августа 1833 г. последняя разрешительная виза была получена и рукопись поступила в печать в московскую типографию Августа Семена.

Орлов долго ждал этого момента. Лишь мысль о том влиянии, которое произведет на общество его книга, помогла ему вынести и арест, и ссылку в Милятино. А вынести все это было нелегко. Он писал мужу своей сестры А. М. Безобразову 20 декабря 1833 г.: «Вот восемь лет сряду самолюбие мое попиралось и ногами, и пятами, и копытами, так что оно сплюсчилось совершенно и потеряло всю прежнюю свою упругость».

Орлов считал, что он совершил открытие в экономической науке, что он нашел ту точку опоры, опираясь на которую можно бескровно перевернуть мир. Не будучи профессиональным ученым и не имея обыкновения «все подвергать сомнению», Орлов полагал, что его теория истинна и неоспорима и со всем жаром военного и политического деятеля убеждал всех в своей правоте, ожидая, в свою очередь, отовсюду признания этого. Он писал Безобразову: «Прочитай его (труд Орлова — С. О.), и ты увидишь, что я вправе пренебрегать критикою»⁷⁸. Или Вяземскому: «Ежели сочинение возбудит какое-либо отличное понятие об авторе, то автор почтет себе за честь быть причислену к Академии в звании действительного или почетного члена. Вот тебе на! Куда я заехал? и не думал об этом, взявшись за перо! Не буду ли я смешон в ученом академическом мундире»⁷⁹. Орлов желает не только принести пользу родине, но и вновь вступить на ту высоту общественного положения, с которой он был низвергнут еще в 1822 г. Безобразову он посылает 16 писем и 16 экземпляров «для раздачи по адресам»⁸⁰. Для избранных он готовит специальные тома с теми отрывками, которые были изъяты цензурой. Например, Орлов писал Н. Н. Раевскому-младшему 22 января 1834 г.: «Я прошу тебя передать Пушкину, что я не послал ему моей работы не по забывчивости, но потому, что я

хочу дополнить его экземпляр рукописными вставками, которые сейчас находятся в переписке»⁸¹.

Разослав письма, книги, Орлов принялся ждать откликов. Он опять очень нервничает, ведь надежды, которые он возлагает на книгу, огромны. «Сообщи мне что-нибудь относительно моего труда», — пишет он Н.Н. Раевскому-младшему. «Вызвал ли он некоторую сенсацию в обществе? Похвалы, которые я получаю, ни в коей мере меня не удовлетворяют. Я хотел бы знать правду, как бы сурова она ни была»⁸².

Теории, которые проповедовал Орлов, находили в это время поддержку на Западе. Орлов писал Вяземскому 20 июля 1833 г.: «Я уверен, однако, что труд не плох. Я нахожу доказательство этому в газетах, которые я читаю все так же усердно. Последняя речь Лаффита о кредите, за исключением некоторых изменений, является всего лишь анализом моего труда, и, конечно, ни я не списал у Лаффита, ни Лаффит не обокрал меня. Мы оба сказали правду, и вот почему у нас есть семейное сходство»⁸³. Действительно, Жак Лаффит в это время в своих речах говорил о тех же вещах, что и Орлов: «Налог берет капиталы везде, не спрашивая, производительно ли заложены капиталы или нет, ... налог требует жертв, сокращает производство... Займы, делаемые правительством, берут только те капиталы, которые представляют сами собой, которые не находят лучшего применения»⁸⁴.

Но то, что с воодушевлением воспринималось в Западной Европе, было не понятно в России. Первая и единственная рецензия вышла из-под пера Осипа Сенковского (Барона Брамбеуса) и была опубликована в «Библиотеке для чтения». Мы не можем согласиться с М. А. Алпатовым, который утверждает, что рецензия была написана «в самой небрежной и оскорбительной форме»⁸⁵. Сенковский много места уделяет положительным местам работы Орлова. «Книга весьма хорошая и хорошо написанная»⁸⁶. Автор — «человек образованный, начитанный, не чуждый высшим наукам и твердо знающий свой предмет»⁸⁷. Книга «была необходима». «Автор оказал истинную услугу образованности». Сенковский отмечает в книге «большое искусство» и «примечательную силу логики». В то же время он пишет, что «мы не нашли в ней ничего нового», а основные идеи «кажутся простою игрой слов»⁸⁸. Заканчивается статья весьма насмешливо: «Хочешь ли быть

богатым? — делай долги, умным? — делай долги, глубоко-мысленным? — делай долги, делай их, как можно более, и будешь счастлив и могуч»⁸⁹. Концовка статьи говорит о том, что автор ее совершенно не понял, да, наверное, и не пытался понять смысл теории Орлова.

Через три года в том же журнале появилась еще одна запоздалая рецензия за подписью Н. А. Полевого, практически полностью повторявшая все положения статьи Сенковского: «Сочинение, которое мы рассматриваем, составлено из того, что уже давно известно всем, занимающимся политической экономией. Нового ничего оно не сказало. Оно ни одной черты не прибавляет к науке. Но вместе с тем мы находим в нем удивительно странную смесь ошибок и истин, правды и заблуждений... Автор, при большой начитанности, не умеет отдавать себе ясного отчета в том, что он читал. Авторитет и знаменитость имен увлекают его то туда, то сюда. Знать еще мало; надобно, переварить в голове то, что мы узнали, и потом мыслить самому. Желаем автору лучших успехов: мы даже в них уверены, видя, что он приготовлен к мышлению обширным учением»⁹⁰. Вот эта статья написана действительно оскорбительно. И Сенковский, и Полевой не увидели ничего нового в одном из самых новаторских и смелых произведений экономической мысли в России первой половины XIX века.

Критически отзывались о труде Орлова и многие его бывшие соратники. Декабрист Н. А. Бестужев, в 1831 г. написавший работу «О свободе торговли и вообще промышленности», в которой критически отзывался о преувеличении значения кредита⁹¹, писал брату: «Советуем посмотреть, до какой степени умный человек может заблуждаться»⁹². Критиковал, правда несколько раньше, его теории и Н. И. Тургенев: «Мне как будто всегда суждено противоречить ему, ибо я настолько же резко расхожусь с его финансовыми и мануфактурными теориями, насколько я расходился с его воинственными и завоевательными теориями»⁹³. А ведь во многом Орлов был последователем Тургенева. Как, например, отвечают воззрениям Орлова следующие строки из тургеневского «Опыта теории налогов»: «Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности, с усовершенствованием системы правительства народного»⁹⁴.

Еще одно упоминание о книге Орлова при его жизни prominently в «Теории финансов» И. Горлова, который отмечал, что «известным сочинением о государственном кредите можно почитать г. Орлова «О государственном кредите». Москва, 1833»⁹⁵. Через несколько лет во втором, дополненном издании И. Горлов критиковал тезисы Орлова о полезности бирж и отличии государственного кредита от частного⁹⁶.

В 1855 г. в Германии вышла книга приват-доцента Гейдельбергского университета К. Дитцеля «Система государственных займов, рассматриваемая в связи с народным хозяйством»⁹⁷. В 1907 г. историк экономической мысли Георг Шанц доказал, что труд Дитцеля является переложением идей Орлова. А Дитцель, между тем, считается отцом современной теории кредита. Все дело в том, что в 1840 г. на немецком языке вышел труд Орлова с подзаголовком «Сочинение русского государственного деятеля» и со всеми кусками, выброшенными цензурой. Известно, что Дитцель пользовался книгой Орлова⁹⁸. Еще раз повторим: теория, принятая на Западе, была отвергнута в России.

Орлов пытался также опубликовать свой труд и на французском языке (перевод книги и на немецкий и на французский языки — два главных европейских языка мог обеспечить автору всеевропейскую известность, во всяком случае давал такую возможность). По сообщению С. Д. Полторацкого, перевод был осуществлен «приятелем его и нашим общим знакомым С. С. Хлюстиным, но вследствие возникших между ними неудовольствий сожжен в рукописи»⁹⁹. К сожалению, не представляется возможным выяснить характер разногласий между Орловым и Хлюстиным.

Кроме книги «О государственном кредите» Орловым была написана еще одна большая работа на экономические темы «Мысли о современном состоянии кредитных установлений в России». О ней он писал Вяземскому 3 февраля 1833 г.: «Теперь я принимаюсь писать вторую часть труда, которая будет лишь применением тех же принципов к России со всеми изменениями, необходимыми в соответствии с природой наших политических учреждений»¹⁰⁰.

К сожалению, полного текста «Мыслей...» не сохранилось. Наш главный источник, рассказывающий о содержании этого труда, — конспект, составленный под руководством А. Х. Бен-

кендорфа и Л. В. Дубельта после смерти М. Ф. Орлова. Как пишут авторы конспекта: «Возможно, поводом к написанию статьи послужили слухи о мерах, которые будут приняты правительством относительно дворянских имений, заложенных в банках, и опасение владельцев лишиться не возвратно своей собственности».¹⁰¹ Действительно, как писал Орлов Вяземскому еще 10 января 1832 г., ряд слухов о нововведениях в экономике заставили его приложить все свои теоретические изыскания к условиям России и обратиться к правительству с просьбой выслушать его идеи¹⁰². Орлов предполагал применить меры достаточно решительные: «Дабы достигнуть коренной и действительной перемены в положении владельцев русских, необходимо вместо существующей ныне слишком ограниченной системы принять систему более обширную, основанную на истинных началах финансовых и конституционных»¹⁰³.

Отмечая оскудение и финансовый упадок дворянства, Орлов призывал «создать дворянство в настоящем его значении»¹⁰⁴, а для этого ввести майораты и некоторые полу-майоратные формы землевладения¹⁰⁵.

Идея майоратов была довольно популярна в России. В майоратах видели средство создания материально, а значит и политически независимой аристократии, способной составить действенную оппозицию абсолютистской власти. Наличием майоратов объяснили английские «свободы», прославленную независимость английской знати. Сторонниками майоратов были А. С. Пушкин, П. Д. Киселев и др.¹⁰⁶ Идея утверждения аристократии через введение майоратов была намного более реальна, чем фантастические проекты создания пэрства, которые излагались Орловым и Дмитриевым-Мамоновым в документах «Ордена русских рыцарей»¹⁰⁷, но тем не менее определенная связь между ними есть.

Орловым предполагалось «звание дворянское сделать доступным для купцов и для людей образованных»¹⁰⁸. Как тут не вспомнить строчки из «орденских» документов о сибирских купцах-предпринимателях, которым даруется дворянское звание, если их доходы превышают определенную высокую сумму¹⁰⁹. Тогда это звучало несколько надуманно. Теперь же эта идея получила свое завершение в тезисе о вхождении крупной буржуазии и интеллигенции в дворянское сословие. С другой стороны, младших сыновей дворянских семейств предполагалось «возвра-

тить среднему классу и через то облагородить средний класс»¹¹⁰. Таким образом шел бы постепенный процесс слияния дворянства и буржуазии или, во всяком случае, взаимопроникновения.

Наконец, согласно «Мыслям...», Орлов хотел отделить аристократию от чиновничества: «затворить двери дворянства для этой толпы приказных, которые из пера сделали род промышленности, а из безнравственности — средство к своему обогащению»¹¹¹. Здесь мы находим параллели с проектом Н. М. Карамзина. Это было необходимо, чтобы сделать дворянство более самостоятельным, отдалив от него самые зависимые от правительства слои.

С дворянской реформой непосредственно была связана реформа крестьянская. В письме Вяземскому от 10 января 1832 г. Орлов выстраивает эту цепочку: обогащение казны и развитие кредитной ее силы — учреждение майоратов или возрождение дворянства — улучшение крестьянского быта или постепенное освобождение народа¹¹². Если вспомнить позицию Орлова по крестьянскому вопросу в 1810-е годы, то тогда он также предусматривал зависимость освобождения крестьян от наделения дворян определенными политическими привилегиями¹¹³ (сейчас — майоратами). В «Мыслях...» крестьянский вопрос решается так: «прекратить зависимость крестьян от земли, дозволить безземельным крестьянам переселяться в места, изобилующие землей»¹¹⁴.

Кроме вопросов крепостного права и дворянской реформы Орлов намечает и вопрос структурной перестройки экономики в духе мальтузианства: «Дать городам преимущество над селениями, увеличить число потребителей и уменьшить число производителей... покровительствовать промышленности, чтобы повышалась ценность земледелия»¹¹⁵.

Как сказано в конспекте, эти мысли — введение к описанию существующей кредитной системы и изложению кредитно-финансовой реформы. Орлов оценивает существующие кредитные учреждения: Комиссию погашения долгов, Коммерческий банк, Ассигнационный банк, Опекунский совет, Государственный заемный банк, приказы общественного призрения¹¹⁶. Автор приходит к выводу, что практически все эти учреждения необходимо ликвидировать. Интересно, что не говорится лишь о ликвидации Государственного коммерческого банка — единственного занимавшегося кредитованием торговли.

Что же предлагается взамен? Новая система выпуска ассигнаций и учреждение «особого рода погашения для ассигнационной системы»¹¹⁷. Учреждение банка нового типа¹¹⁸. Новая система оценки заложенных имений¹¹⁹. Конспект «Мыслей...» заканчивается весьма характерным для Орлова высказыванием: «Сочинение сие... имеет целью доказать, что внутреннее благосостояние народа и постепенное гражданское преобразование России... зависят от развития государственного кредита». Показав свою чудодейственную силу в современной истории Англии и Франции, кредит, по мнению Орлова, может и должен спасти Россию. Орлов настаивает на том, что его план продуман и научно обоснован: «Все сии вопросы (обогащение казны, возрождение дворянства, улучшение крестьянского быта, освобождение крестьян — С. О.) решаются не туманными рассуждениями, не опасными опытами, не возмущениями народа, но положительными цифрами, ибо в нынешнем веке почти все основано на одних цифрах»¹²⁰.

«Отстраняя всякую стыдливость, я решительно отвечаю за теоретическое достоинство одного (труда — С. О.)»¹²¹ (из письма к П. А. Вяземскому). Орлов надеется, что правительство будет заинтересовано в его конкретных рекомендациях по важнейшим проблемам финансов и экономики. «Одно мое желание только то, чтоб министры вошли со мною в сношения и пригласили изложить мои мысли»¹²².

Особенный интерес представляет предложение Орлова о создании нового банка. В 1874 г. Н. М. Орлов, сын Михаила Федоровича, опубликовал в «Русском архиве» отрывок «Из не изданного сочинения Михаил Федоровича Орлова» с подзаголовками «Об учреждении вольного банка в России» и «Петр Великий и финансист Лау». Заметка, по всей вероятности, является частью того самого труда, о котором говорил Орлов в письмах Вяземскому и конспект которого был сделан жандармскими офицерами. Заметка полностью посвящена взаимоотношениям Петра Великого и известного французского, английского и шотландского экономиста, финансиста и государственного деятеля Джона Ло (Лау). «Письма Петра адресованы к Лау в изгнании, ищущему убежища в Венеции и преданному всеобщему проклятию и презрению... Один он (Петр Великий. — С. О.), посреди заблужденных современников, обвинял Францию и Европу в несправедливости, и предлагал Лау чины,

почести, высокое поприще для его деятельности и титул князя Астраханского. Таковая проницательность, таковое почтение к талантам и гению принадлежат одним только великим людям... Петр... открыл невинность во всеобщем обвинении, славу в позоре, государственного мужа в осужденном преступнике. Сравните предложение и настоятельство Петра с тщетным 18-летним искательством Колумба при дворе Изабеллы и Фердинанда, и вы увидите, на какой высоте стоит Петр»¹²³.

Здесь важны два момента. Во-первых, Орлов безусловно олицетворяет себя с Лау. Ведь и он — «талант» и «гений» именно в экономической науке; ведь и он находится «в изгнании», «преданный всеобщему проклятию и презрению». Орлов мечтает, чтобы нашелся его Петр I, который бы «открыл невинность во всеобщем обвинении, славу в позоре, государственного мужа в осужденном преступнике». Что характерно, так это то, что Орлов ждет признания и помощи именно сверху, от какой-то высшей силы, может быть даже и от императора. Орлов-Лау предстает перед читателем в этом отрывке несправедливо осужденным и оскорбленным гением, каким он себя, в сущности, и считал.

Во-вторых, для Орлова этого времени весьма симптоматично отношение к Петру Великому. Для него Петр — «гений», «великий человек»¹²⁴, выделяющийся среди других государей Европы. Орлова привлекал могущественный, полновластный, просвещенный, ориентирующийся на Запад монарх-реформатор. Государь, перевернувший Россию. Кстати, Орлов уже высказывал свое восхищение реформаторской деятельностью Петра в своей речи в Библейском обществе в 1819 г.¹²⁵ в разгар того периода своей жизни, который мы называем «просветительским».

Может возникнуть вопрос: какая связь между Д. Ло и учреждением вольного банка в России? Ответ находим в жизни самого Ло и в книге «О государственном кредите». Одним из главных действий Ло на посту генерального контролера финансов Франции было учреждение большого частного банка, за что Орлов его и восхваляет в своем труде¹²⁶. Правительство превратило этот банк в государственный, чем был, по мнению Орлова, нанесен серьезный удар по экономике Франции¹²⁷. О Лау же Орлов говорит в таких выражениях: «Славная система Лау, система дерзкая, но искусная, которая одна могла спасти правительство от неминуемого банкротства»¹²⁸. Та-

ким образом, мы можем предположить, что важным элементом программы перестройки экономики России Орлова было учреждение крупного независимого частного банка.

Историк С. Я. Боровой полагает, что речь шла о создании частного акционерного банка в Москве¹²⁹. Идея такого банка могла быть встречена правительством только в штыки. Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин был категорическим противником частной банковской деятельности. Он заявлял: «Частные банки, выпускающие какие бы то ни было кредитные бумаги, не должны быть даже терпимы правительством подобно шарлатанам»¹³⁰. «Банки несомненно способствуют ускорению оборота капитала, но приносит ли это пользу или вред — кто может об этом судить?». Все это стало причиной того, что эта книга не была допущена до печати, хотя, как считает Л. Я. Павлова, она была уже полностью готова¹³¹.

Конспект бумаг Орлова, оставшихся после его смерти, излагает содержание еще двух статей Орлова на финансово-экономические темы. В несохранившейся «Записке о налоге на сахар» Орлов предлагает эту финансовую меру для доставления правительству необходимых средств¹³².

Вторая статья называется «Записка о мерах для предупреждения неправильности в обращении ассигнаций и других денег (О курсовых явлениях на российских рынках)». Орлов в ней доказывает, что при существовании в обращении различных монет необходимо иметь монету нормальную, имеющую настоящую и постоянную ценность, чтобы все остальные имели бы к ней ценность относительную. По мнению Орлова, такой нормальной единицей мог бы быть серебряный рубль¹³³. Вновь, как и в своем «Кредите» и в «Мыслях...», Орлов «сражается за интересы правительства», но правительство оставалось к этой упорной борьбе безучастным.

В 1835 г. Орловым были написаны пространные комментарии, которые можно было бы назвать даже добавлениями к «Капитуляции Парижа». В этих заметках на первый план выходит вопрос о крайностях в политике. Против крайностей — необузданного своеволия и капризов тиранов — Орлов выступал еще в «Государственном кредите».

В комментариях 1835 г. Орлов проповедует типично консервативные, традиционалистские ценности: свободная экономика, семья, христианство, гражданские свободы, разумное

чинопочитание или иерархичность. И логичным представляется обращение Орлова в этой связи к идеям Эдмунда Бьорка, одного из родоначальников и теоретиков умеренного консерватизма (в экономике — либерализма).

Орлов конца 1820-х—начала 1840-х гг. окончательно прощается с декабристскими иллюзиями. Он выступает за либеральные реформы в экономике и за умеренный, «либеральный» консерватизм в политике. Он возвращается к методам «просветительского» периода своей жизни — сотрудничество с правительством, попытка его убедить, ибо полагает, что только правительство, только самодержавная власть способна начать и продолжать реформы в России, сохраняя порядок и законность и не допуская народных выступлений.

Примечания

¹ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические произведения. Письма. М., 1964. С. 62.

² Боровой С. Я. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. Т. 8. № 1. М., 1951. С. 49–50.

³ Орлов М. Ф. Ук. соч. С. 245.

⁴ Попов П. Орлов М. Ф. и 14 декабря // Красный архив. Т. 13 (6). 1925. С. 152.

⁵ Восстание декабристов. Т. III. М.-Л., 1927. С. 41.

⁶ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 98.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ Там же. С. 110.

¹² Там же. С. 111.

¹³ Там же. С. 117.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 127.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 143.

¹⁸ Там же. С. 132.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 133.

²¹ Там же. С. 101.

²² Там же. С. 101.

- ²³ Там же. С. 133.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. С. 134.
²⁶ Там же. С. 132.
²⁷ Там же. С. 141.
²⁸ Там же. С. 134–135.
²⁹ Там же. С. 138–139.
³⁰ Там же. С. 140.
³¹ Там же. С. 137–138.
³² Там же. С. 142.
³³ Там же.
³⁴ Там же. С. 101.
³⁵ Там же. С. 142.
³⁶ Там же.
³⁷ Чичерин Б. Н. История политических учений. Ч. 5. М. 1902. С. 328.
³⁸ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 143.
³⁹ Там же. С. 156.
⁴⁰ Там же. С. 159.
⁴¹ Там же. С. 163–164.
⁴² Там же. С. 167.
⁴³ Там же. С. 169–172.
⁴⁴ Там же. С. 175.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же. С. 101.
⁴⁷ Там же. С. 177.
⁴⁸ Там же. С. 179–181.
⁴⁹ Там же. С. 187.
⁵⁰ Там же. С. 205–206.
⁵¹ Там же. С. 206.
⁵² Там же.
⁵³ Там же. С. 56.
⁵⁴ Там же. С. 206.
⁵⁵ Там же. С. 205.
⁵⁶ Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 243.
⁵⁷ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 102.
⁵⁸ Там же. С. 245.
⁵⁹ Там же. С. 246.
⁶⁰ Там же. С. 250.
⁶¹ Там же. С. 251.
⁶² Вяземский П. А. Письма к жене за 1831–1832 гг. // Звенья. Т. IX. М., 1951. С. 266.
⁶³ Граф Егор Францевич Канкрин // Русский архив. 1866. С. 224.

- ⁶⁴ Цит. по: Боровой С. Я. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. 8. № 1. 1951. С. 55.
- ⁶⁵ Цит. по: Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите» // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Т. XVII. М. 1955. С. 218.
- ⁶⁶ Там же. С. 219.
- ⁶⁷ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 343.
- ⁶⁸ Там же. С. 270.
- ⁶⁹ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 332.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 378.
- ⁷² Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 332.
- ⁷³ Цит. по: Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите»... С. 219–220.
- ⁷⁴ Там же. С. 222–223.
- ⁷⁵ Там же. С. 223.
- ⁷⁶ Там же. С. 225.
- ⁷⁷ Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 195. Оп. I, Д. 2480, Л. 58–58 об.
- ⁷⁸ Новые материалы о книге... С. 225.
- ⁷⁹ Там же. С. 219.
- ⁸⁰ Там же. С. 233.
- ⁸¹ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 254.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 251.
- ⁸⁴ Там же. С. 258.
- ⁸⁵ Алпатов М. А. Формирование исторических взглядов декабриста М. Ф. Орлова // История и историки. 1972. М., 1973. С. 204.
- ⁸⁶ Библиотека для чтения. 1834. Т. I. Отд. V. С. 47.
- ⁸⁷ Там же. С. 48.
- ⁸⁸ Там же. С. 49.
- ⁸⁹ Там же. С. 50.
- ⁹⁰ Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. V. С. 19.
- ⁹¹ Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVIII в.–1861 г.). М., 1958. С. 153.
- ⁹² Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933. С. 258.
- ⁹³ Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. I. М., 1915. С. 167.
- ⁹⁴ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М., 1937. С. 171.
- ⁹⁵ Горлов И. Я. Теория финансов. 1-е изд. Казань, 1841. С. 259.
- ⁹⁶ Горлов И. Я. Теория финансов. 2-е изд. Казань. 1845. С. 219.
- ⁹⁷ Боголепов М. Первая русская книга о государственном кредите // Советские финансы. 1945. № 5. С. 35.
- ⁹⁸ Там же. С. 36.

- ⁹⁹ Полторацкий С. Д. Русские достопамятные люди // Русская старина. 1892. № 5. С. 224; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОРРГБ). Фонд Полторацкого. К. 39. Д. 8. Л. 15–17.
- ¹⁰⁰ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 250.
- ¹⁰¹ Там же. С. 262.
- ¹⁰² Там же. С. 245.
- ¹⁰³ Там же. С. 262.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 246–247.
- ¹⁰⁶ Боровой С. Я. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 30-х гг. // Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 250–251.
- ¹⁰⁷ Бороздин А. К. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 145–148.
- ¹⁰⁸ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 263.
- ¹⁰⁹ Бороздин А. К. Указ. соч. С. 145–148.
- ¹¹⁰ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 264.
- ¹¹¹ Там же. С. 263.
- ¹¹² Там же. С. 246–247.
- ¹¹³ Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев... С. 22.
- ¹¹⁴ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 263.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же. С. 247, 264–265.
- ¹¹⁷ Там же. С. 247.
- ¹¹⁸ Там же. С. 264–265.
- ¹¹⁹ Там же. С. 265.
- ¹²⁰ Там же. С. 248.
- ¹²¹ Там же. С. 246.
- ¹²² Там же. С. 248.
- ¹²³ Из неизданного сочинения Михаил Федоровича Орлова // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 6. С. 1578–1579.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 48–49.
- ¹²⁶ Там же. С. 148–149.
- ¹²⁷ Там же. С. 149.
- ¹²⁸ Там же. С. 149.
- ¹²⁹ Боровой С. Я. Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите». С. 54.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Павлова Л. Я. Декабрист Михаил Федорович Орлов (1788–1842). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 484.
- ¹³² Орлов М. Ф. Указ. соч. С. 265.
- ¹³³ Там же.